Мятущаяся душа Джимми Твиста

Брюс Бетке

SHOUT
SHARE
IT

- Брюс Бетке

Брюс Бетке
Мятущаяся душа Джимми Твиста

В конце весны 1977 года я не по своей воле вернулся в Лондон. Около двух лет я слонялся по континенту, зарабатывая на хлеб концертами и наслаждаясь жизнью. Мои выступления имели успех: я хороший гитарист, неплохой певец и обладаю внешностью, привлекающей бумажники туристок.

К сожалению, «наслаждение жизнью» ограничилось романом с Катриной, пухленькой дочерью Гамбургского банкира. В мае мы с ней разошлись. Не было ни слез, ни ссор, ни разочарований, она даже ничего не сказала о том головорезе, с которым она была помолвлена до меня. Мне бы хотелось, чтобы она его упомянула.

Он последовал за мной в Амстердам, напал на меня, расколотил мою гитару, кинул обломки в канал, а потом зашвырнул меня следом. На следующий день прибыл их семейный адвокат и увез его обратно в Гамбург, обязав заплатить штраф меньше чем в полсотни гульденов за бросание мусора в канал, а меня арестовали за бродяжничество, как только я выбрался на сушу. К полудню они забрали мой паспорт и посадили меня на поезд до Влиссингена, чтобы я провел там замечательную ночь в тюрьме, дожидаясь утреннего корабля обратно в Англию.

Мне бы очень хотелось, чтобы она его тогда упомянула.

Не то чтобы мне сильно не хотелось уезжать: у голландцев в тюрьмах не было нормальных кроватей, только голый пол с намеком на матрас в углу. Я был не против уехать.

Проблема была в том, что я возвращался в Англию без денег, планов на будущее, и, что самое главное, без гитары. Я был привязан к этой гитаре, она принадлежала еще моему дяде Льюису, а теперь ее обломки медленно дрейфовали по направлению к Мировому океану.

Потом Рашем сказал мне:

> «Холодный дождь должен идти,
> Чтобы нести тебе бодрость и силу.
> Ты должен чувствовать страшную боль,
> Чтоб сильнее ценить покой».

Если бы он сказал мне это тогда, я бы сломал ему нос.

Весь следующий день я плыл в родную Англию. Утром я сел на холодный металлический стул на передней палубе, и сделал вид, что напряженно думаю, но в основном я просто смотрел. Смотрел на серое небо. Смотрел на еще более серое море. Смотрел на птичий помет и пятна ржавчины на палубе. Потом я открыл свою сумку и смотрел на кусочки моей гитары. На ней, бедняжке, больше никогда не удастся сыграть, но если у меня когда-нибудь будет собственный дом, я повешу ее останки над камином.

Собираясь снова уставиться в небо, я почувствовал, что на меня тоже кто-то смотрит. На поручнях, рискуя свалиться в воду, сидел ямаец, и его дреды развевались на ветру. Я обнаружил, что мы некоторое время смотрим друг другу в глаза.

Не то чтобы я никогда не видел растаманов, я много с ними тусовался, потому что у них был самый лучший гашиш, но этот превзошел их всех. Его глаза были похожи на черное вулканическое стекло, оправленное в слоновую кость. По правилам английского этикета мне надо было как можно быстрее отвести от него взгляд, но я не мог. Может быть, я слишком много времени провел в странах Северной Европы, но ямаец казался мне чернее черного.

Потом он… улыбнулся? Его губы раскрылись, его щеки натянулись, он обнажил свои зубы. Я понадеялся, что это была улыбка. Вместо ответа я улыбнулся тоже, а он откинул голову назад и стал хрипло смеяться. Я воспользовался шансом отвести взгляд, а когда я снова посмотрел туда, его там уже не было. Сначала я подумал, что он упал за борт, но когда я огляделся, чтобы позвать на помощь, то увидел его, прогуливающегося по палубе и напевающего что-то тем же хриплым голосом. С огромным облегчением я погрузился обратно в свои проблемы.

После полудня я пересел на свободный стул в трюме корабля и стал думать, что я буду делать, когда паром прибудет в Англию. Восстановлю свой паспорт и вернусь на континент? Заманчиво, но неосуществимо. Пока я не буду иметь достаточно денег, чтобы заплатить штраф и за проезд, я завязну в Англии.

Остаться в Ширнесс или в Гиллингеме? В Гиллингеме? Серьезно…

Добраться до Бирмингема и сесть на шею родителей? Я мог так поступить, но либо папа побьет меня за потерянную гитару своего брата, либо мама мне еще раз скажет, что я такой же ни на что не годный прожигатель жизни, как и дядя Льюис.

Я не нашел лучшей идеи и уже приготовился разыграть возвращение блудного сына, когда одна-единственная противная мысль решила дело. Мать всегда относилась к гитаре как к

родной сестре героина. Конечно же, она встретит меня с распростертыми объятиями, потому что я наконец от нее избавился.

Оставался Лондон. Если тебе некуда пойти, поезжай в Лондон, говори людям, что ты музыкант и живи на пособие по безработице. Даже в Лондоне со мной бы это не прокатило. В мои неполные двадцать пять я все еще носил драные джинсы и длинные волосы, а мои музыкальные вкусы склонялись к американскому ритм-н-блюзу, который опять вышел из моды (британские меломаны не имеют соперников в непостоянстве, если не считать итальянской богатой наследницы, встреченной мной на Майорке) Но у меня было несколько приятелей, который я мог бы найти на Фонтхилл-роуд.

К тому времени, как паром причалил, у меня был в голове набросок моего будущего. Я обменял мои последние гульдены на фунты и пенсы, умыкнул экземпляр «Time Out» с новостного стенда и отправился голосовать на шоссе. Через два дня я добрался до Лондона. По пути я обменял свои наименее драные джинсы на камуфляжные штаны, постриг волосы, одолжив ножницы, и сменил имя на Стиг Боллок.

Летом 1977 года Лондон был чудесным местом, чтобы быть нищим и безработным. Я провел некоторое время с парнями, которых встретил в Милане, и они познакомили меня с Джиной, с которой я прожил две недели, заработав при этом уретрит, который тут же вылечили в местной поликлинике.

Джина в свою очередь познакомила меня с бездомными Финсбури-парка, а потом я снял квартиру у миссис О'Грейди. Это было подороже сквоттинга, но безопаснее. К концу июля у меня была квартира размером с крысиную нору, гитара без серийного номера и с загадочным прошлым, такой же усилитель и небольшая репутация гитариста. Я попал в хорошее окружение и моя жизнь потихоньку налаживалась; все шло замечательно, если учесть, что шесть недель назад я барахтался в канале и думал, выудит ли меня оттуда хоть кто-нибудь. Все было замечательно, пока я не встретил мистера Твиста.

Джимми Твист появился утром первого июля. Я помню это, потому что мы со Старым Дакбери тем утром сидели на крыльце и говорили о какой-то ерунде. Дакбери — бывший солдат, одна из тех живых реликвий империи, которые должны быть провозглашены частью национального культурного наследия и быть доступны только по выходным и праздникам. Высокий, тощий, как скелет, с густыми седыми усами и такими же волосами. Он говорил, что служил во время Бурской войны, служил в Бирме, служил в Нормандии… Я не удивился бы, если

бы он заявил, что служил при Ватерлоо.

Каждое утро мы со Старым Дакбери сидели на крыльце, болтали и пили пиво. Было тяжело с ним разговаривать, потому что он все время перескакивал с одной войны на другую, но в этом было виновато пиво, поэтому я терпел. В то утро Дакбери рассказывал о какой-то девушке, встреченной им в Париже, а я вежливо кивал и думал, что хорошо бы взять гитару и что-нибудь сыграть (от старых привычек сложно отказаться), когда самая побитая в моей жизни машина врезалась в тротуар и полдюжины чернокожих вышли оттуда.

— Черт возьми! — заорал Дакбери. — Проклятые ниггеры!

За нашей спиной миссис О'Грейди открыла дверь:

— Следите за языком, мистер Дакбери!

Она со всех своих маленьких толстых ножек бросилась вниз по ступенькам и заговорила с чернокожими:

— Я отперла дверь. Можете войти. — Большинство из них взяли багаж из машины и послеовали в указанном направлении.

— Миссис О'Грейди! — взревел Дакбери. — Я мирился с китайцами, пакистанцами и черт знает кем еще, кому вы позволяли здесь остановиться, но если вы думаете, что я буду жить в доме, полном ниггеров…

Я восхитился нашей хозяйкой: она топнула ногой в тапочке и испепелила Дакбери взглядом, но сказала тихим и мягким голосом:

— Это наш новый постоялец, мистер Твист. Он будет жить в мансарде. Вы ведь не будете с ним грубы, мистер Дакбери?

Пока она говорила, на тротуар сошел водитель, и я узнал того самого ямайца, которого я видел на пароме.

— Я съезжаю! Клянусь! — Дакбери поднялся, вырвал из моей руки недопитую кружку пива и устремился в дом.

— Не обращайте внимания, — сказала она Твисту. — Дакки громкий, но безобидный. — Потом она повернулась ко мне: — Мистер Твист, позвольте представить вам еще одного нашео постояльца. Мистер… — Она на секунду остановилась. — Стиг. — Она никогда не могла себя заставить называть меня «мистер Боллок».

— Здравствуйте, — сказал я. — Похоже мы встречались. — Он смотрел на меня ничего не выражающим взглядом. — На пароме в Ширнесс? — Еще один такой же взгляд. — Извините, я, похоже, ошибся. Я сменил тему: — В любом случае, Дакбери съезжает всякий раз, когда кто-нибудь сюда въезжает. Слышали бы вы шум, который поднялся, когда въезжал я! — Я засмеялся и, к стыду своему, обнаружил, что смеюсь один.

Через несколько секунд тяжелого молчания Твист сказал:

— Понимаю. Он думает, что мы с тобой — одно и то же. — Он вежливо рассмеялся и повернулся к миссис О'Грейди. — Извините. — Он улыбнулся мне и поспешил вверх по ступенькам.

Вот так мистер Твист пришел по мою душу. Он был очень странным соседом. У меня было кое-какое взаимопонимание с другими жильцами миссис О'Грейди. Даже банковский клерк с первого этажа знал меня, хотя он и отворачивался и принимал недовольный вид каждый раз, когда я проходил мимо него. Когда я один раз встретил Твиста на ступеньках, он просто сидел там и пел на непонятном языке, не замечая меня. Если запах вокруг него был запахом гашиша, это был самый крепкий гашиш, который я когда-либо нюхал: у меня кружилась голова, когда я проходил мимо.

Эта встреча на ступеньках была необычной еще и потому, что по мере того, как лето кончалось, Твист спускался из мансарды все реже, а потом и вовсе перестал спускаться. Вместо этого группы чернокожих проходили мимо нас в неурочные часы, чтобы проведать его, и переговаривались там тихими голосами. Иногда я слышал отдельные слова: «раста», «гореть», «смерть», но ничего не понимал.

Потом я ачал слышать музыку. Это была странная, дикая музыка, которую скорее чувствуешь, чем слышишь. Пульсирующий ритм пробуждал во мне странные желания; я мечтал так играть! С этой странной музыкой и моей привлекательной внешностью я бы сделал состояние!

Дакбери не собирался терпеть нового жильца:

— Ему нельзя доверять! — кричал он миссис О'Грейди. — Я дрался против мау-мау и я знаю их лучше тебя!

— Заткнись! — кричала она в ответ. — Если тебе не нравится музыка, включи телек!

Один раз, когда мы с Дакбери сидели на крыльце и пили холодный джин, он сказал:

— Знаешь, Стиг, было не очень умно со стороны правительства открыть империю для иностранцев. У нас маленький остров, и места едва хватает для нас, англичан.

Я улыбнулся (Дакбери понадобился месяц, чтобы включить меня в число «нас, англичан») и сказал:

— Я так понимаю, вам еще не дает покоя наш сосед-ямаец.

— Я не верю, что Твист — американец. Он скорее гаваец, — сказал он, теребя усы.

— И что? — спросил я.

— И ЧТО?! — набросился он на меня. — Откуда, ты думаешь, происходит вуду? А этот человек открыл храм вуду прямо у нас над головами. Каждую ночь они совершают какие-то ритуалы, я

даже слышу музыку.

— Мне нравится эта музыка, — мягко сказал я.

— Да? Вот в чем проблема! Они очаровывают вас своей дикой музыкой! — Я поставил пиво и встал. Я не мог выносить этого фанатика. — Попомни мои слова! — Голос Дакбери меня преследовал: — Эти ниггеры только и хотят, что перерезать вам горло и сплясать на могиле белой цивилизации!

Я поднялся к себе, достал гитару и сыграл несколько аккордов. Если сказать правду, музыка Твиста не давала мне покоя. Она казалась гипнотической, она была гораздо лучше бьющего по ушам панк-рока, который я играл. Вдруг я обнаружил, что меня так и тянет подняться на чердак к Твисту. Я отогнал эту мысль и еще немного поиграл.

Через несколько дней моя группа давала небольшой концерт, поэтому в три ночи я никак не мог заснуть. Я вертелся в кровати, усталый, но все еще напряженный, как струна. Я слышал музыку сверху, теперь она как будто была громче, звала меня, играла на струнах моей души… Я сел в кровати. Мне нужно знать.

Я выскользнул из постели, поднялся по темной лестнице (лампочка перегорела несколько недель назад) и начал колотить в дверь. К моему удивлению, она сразу же открылась. Комната была освещена единственной свечой, стоящей посередине на полу, а чернокожие сидели вокруг нее и смотрели на дверь, как будто ожидали меня.

— Э-э… — сказал я. Их холодность висела в воздухе и была практически осязаемой. От этого мои волосы зашевелились. Черные глаза Твиста впивались в меня как раскаленные вертелы. — Мне действительно понравилась ваша музыка, — быстро сказал я.

— Закрой дверь. Сядь, — приказал Твист, когда люди пересели, освобождая для меня место.

— Я, видите ли, музыкант, мистер Твист… — снова начал я, сев.

— Не зови меня так, — сказал он. — Это просто имя моей оболочки. Мое духовное имя — Рашем Раста Джа Африка.

Духовное имя? Черт, я набрел на ненормального!

— Итак, мистер Стиг, — продолжил он, — вам нравится музыка людей Джа? — Я осторожно кивнул. — Вам хочется научиться играть так же? — Я снова кивнул. Он наклонился к свече, его лицо казалось окаймленным черно-красной маской, а его голос стал шепотом. — Чтобы играть так, тебе придется стать черным. Потерять свою кожу стоит дорого.

— Черт возьми, — сказал я.

Остаток ночи я провел, слушая, как Рашем и его друзья

говорят на островном диалекте, который я очень плохо понимал, а с утра он послал меня за множеством странных вещей: на Найтсбридж, чтобы украсть покрушки от колес «Ягуара», на Хаммерсмит, чтобы заложить эти покрушки и купить еды, потом в Айлингтон, чтобы накормить сумасшедшую женщину, живущую в мусорном баке. Вечером он послал меня в мой любимый клуб, но не чтобы пить, танцевать и знакомиться с девушками, а чтобы смотреть и слушать. Для ритуала вуду это выглядело слишком безобидно.

На следующее утро в 6 часов Твист постучал в мою дверь, чтобы убедиться, что я снова буду разговаривать с Дакбери. Я удивился:

— Вы хотите, чтобы я продолжа разговаривать со старым фанатиком?

Твист несколько раз махнул пальцами, чтобы задать ритм, и спел:

— Ты не должен проявлять нетерпимость,
Ты должен бороться с дискриминацией,
Не суди недостатки других людей,
Помни, что ты не сам Бог.

В этом было не больше смысла, чем в историях Дакбери, поэтому я улыбнулся, вежливо кивнул и подумал о том, чтобы достать гитару и что-нибудь сыграть.

Это продолжалось неделями. Я стал частым гостем на чердаке и я ждал, когда же наконец стану посвященным. Этого не происходило. По утрам я пил пиво с Дакбери, который думал, что участвует в битве за мою душу, и я старался его в этом не разуверять.

Было очень скучно сидеть на чердаке и слушать, пытаясь чему-то научиться, иногда от Рашема, который говорил рифмованными куплетами и пел столько же, сколько и говорил, а иногда от Джимми Твиста, с которым было куда приятнее общаться. Со временем я научился их различать, а со временем даже освоил их островной диалект и стал участвовать в разговорах.

Многое из того, что я говорил, развлекало Твиста, но злило Рашема, поэтому они относились ко мне совершенно по-разному.

Рашем меня недолюбливал, и я недолюбливал его тоже. Я потратил много недель, слушая его куплеты про жизнь, смерть и бессмертную душу, но он не научил меня ни одной мелодии! Однажды он заставил меня гулять по Брикстону до восхода, только чтобы удостовериться, что я ничего не боюсь. Ладно, я понял, что Брикстон — вовсе не такое противное место, как я думал, но это не научило меня ничему новому в плане музыки.

Ближе всего мы подошли к музыке, когда он попросил меня принести ему мою гитару, потрогал ее и сказал:

— В основном металл и пластик. Жизнь закопана слишком глубоко. Тебе нужен другой инструмент.

— Конечно, нет проблем, вот только выпишу чек. Лучше взять струны из золота или платины?

Он не понял сарказма.

Когда лето закончилось, Рашем, вроде бы, изменился.

— Непросто найти общий язык с музыкой Джа, — сказал он однажды. — Мистер Стиг, вы еще не готовы. — Он вздохнул. — И можете никогда не быть готовы. — Он посмотрел на покрытый паутиной потолок и почесал голову. Я впервые увидел, что он немолод. Похож на старую лошадь. — Но у меня осталось очень мало времени, — продолжил Рашем. — Мистер Стиг, у меня для вас одно последнее поручение. — На сей раз его поручение имело смысл.

Пока он не настоял на том, чтобы отправить со мной Джимми Твиста, я не понял, насколько это для него важно. Мы потратили целый день в гитарных магазинах, пытаясь найти инструмент, о котором он говорил. А увидел несколько гитар, которые мне очень понравились, а одна была розового цвета, но их он отклонил с недовольным вздохом.

Я увидел гитару, которой какой-то придурок отломал гриф, пытаясь приспособить ее для тяжелого металла. Я показал ее Твисту и объяснил, что могу приделать ей уцелевший гриф от моей старой гитары.

Клянусь, я видел слезы у него на глазах, когда он ответил голосом Рашема:

— Хорошая мечта. Только живых можно вылечить. Мертвых нельзя разбудить. — Мы продолжили наш поход. К вечеру с меня хватило:

— Хватит, — предложил я. — Может быть, завтра нам больше повезет.

— Нет, — сказал Твист. — Это должно быть сегодня. — Скоро придет время Рашема. — Я воспротивился, но мы зашли еще в один магазин.

Я пытался настроить старую гитару с грифом, похожим на хобот, когда я услышал волшебные звуки. Я пошел на них и увидел Твиста, нежно водящего пальцами по струнам старой пыльного контрабаса.

— Стиг, — сказал он, — вот она.

— Джимми, — сказал я, — я не буду играть на контрабасе.

— Это оно, — повторил он. — Он не обратил внимания на мои протесты, а повернулся к продавцу и стал торговаться.

Через полчаса я вышел оттуда контрабасистом.

Твист настоял, что ночью он возьмет контрабас к себе в комнату. Я устал после дня шопинга, поэтому рано лег, но около полуночи один из его друзей разбудил меня стуком в дверь.

— Рашем сказал подняться, — сказал он. Я натянул штаны и последовал за ним.

Очевидно, Рашем долго к этому готовился. Квартира была забита чернокожими, лишь некоторых из которых я знал. В воздухе пахло жареным цыпленком и гашишом. Страннее всего была тишина в квартире. В эту ночь совсем не было дикой и властной музыки.

Мой контрабас лежал посередине на полу, окруженный свечами. Рашем стоял на коленях перед ним, гладя его гриф и что-то бормоча на островном диалекте. Он посмотрел на меня:

— Друзья, время пришло.

Немедленно прекратились всякие разговоры. Один за другим, люди становились на колени вокруг контрабаса. Одна за другой, свечи гасли, пока не осталась одна свеча в центре круга.

Рашем встал и поднял контрабас, как будто собирался играть.

— Друзья, — начал он, — сегодня мы собрали вас, чтобы принять в наш круг последователя. Мистер Стиг, подойдите!

Я остановился на границе круга. Он посмотрел на мои штаны:

— Вы собираетесь лишаться всей кожи или только выше пояса? — Наверно, я растерялся, потому что он закричал: — Снимай штаны, дурак!

Мне захотелось засмеяться и уйти, но я посмотрел на все эти черные лица и не смог. Вместо этого я, краснея, расстегнул молнию и снял штаны. Некоторые женщины презрительно поглядели на мой бледно-лиловый зад, потом отвернулись.

— Так лучше, — сказал Рашем. — Теперь возьми свой инструмент. — Он протянул мне контрабас. Я неуверенно шагнул вперед, потому что взять контрабас — значило встать так, что зажженная свеча была между моих ног и были видны мои… более интимные органы. Но я поступил, как было сказано, и стоял так, пока он качал головой и что-то бормотал.

— Рашем? — прервал я его шепотом. — Это что-то типа магии?

— Да, — сказал он после минутного раздумья.

— Это… черная магия?

— Да! — Он широко улыбался.

— Э-э… Я не то чтобы верю, что она у меня есть, но я ведь не продаю никому свою душу?

Глаза Рашема вылезли из орбит, а потом Джимми Твист

начал смеяться. Через секунду смеялась вся комната.

— Твою душу? — Рашем наконец проговорил, вытирая слезы. — Зачем мне эта жалкая вещь? Белый мальчик, я не отбираю твою душу, я даю ее тебе!

— Но вы сказали, это черная магия! — Я был окончательно сбит с толку.

— Глупец! — засмеялся он. — Ты думаешь цветом своей кожи. Белый — хороший, черный — плохой.

— Но люди Джа знают: лицо больного будет бледным. Лицо мертвого будет белым. Лица насильника и жертвы будут белыми. Ты ничему не научился у Дакбери?

Потом они говорили о кристаллизованных идеях. Тут я наконец понял. Дакбери не был злом. Его ошибка была в том, что он слепо служил и хорошим, и плохим без вопросов. На нем камнем висели века традиций и предрассудков. В конце концов из него выжали все возможное, и теперь он сидел на крыльце и вспоминал свои битвы, пытаясь уверить себя, что ему там было хорошо.

— Плодородная земля будет черной, — продолжил Рашем. — Здоровый, красивый, свободны будет черным. Ты готов потерять свою кожу или ты еще не решился?

Старый Дакбери позволил своей коже заглушить голос его души. Как и я.

— Я готов, — сказал я без раздумий.

О, каким подарком был язык, что я могу описать ту ночь! Ритуал был завораживающим! Мне бы хотелось оказаться в Кентербери и сказать: «Парни, я нашел кое-что, что мы потеряли!», но я бы не знал, что сказать дальше. Что мои уши все еще звенят от песен и смеха и от музыки, подхватившей меня и понесшей?

Что Рашем сделал меня частью музыки и в один миг исполнились все мои мечты?

Они наверняка всего лишь снисходительно улыбнутся, если я скажу, что я и контрабас слились воедино, ближе, чем любовники. Мои пальцы летали по струнам без усилий, и я играл все ноты правильно. Между моим сердцем и моим контрабасом больше не было барьеров, так же как не было барьером между моим сердцем и рукой. Я тоже стал инструментом, играющим в великом танце, движущем землю и небеса. Рашем показал мне мелодию.

Слава щедрым Джа, я нашел мелодию!

Когда я снова проснулся, над Лондоном занимался рассвет и я был в своей комнате, обнаженный, но счастливый и уверенный. Где-то в глубине моего сердца проснулся Стиг Боллок. Он

услышал, как я играю, и был поражен услышанным.

Нет, я не превратился внезапно в великого музыканта. Я играл ровно настолько же талантливо, как и вчера. Но теперь я кое от чего избавился: от страха, от стыда, от цинизма Стига по поводу стоимости музыки. И кое-что я приобрел: знание, что я одарен и всегда был одарен. Смешно, но это вовсе не награда. Это соревнование. При рождении мне был дарован музыкальный талант, и Создатель ждал до сих пор, чтобы посмотреть, что я с ним сделаю. Рашем преувеличивал, говоря, что дал мне душу. Скорее, он ее пробудил от векового самоотрицания.

Я сбросил мою греховную шкуру.

Когда солнце встало, я надел штаны и спустился к Дакбери. У меня было впечатление, что сейчас я могу излечить его одним прикосновением.

В халате и тапочках, он отворил дверь. Его волосы и усы были идеально причесаны, но его лицо было еще кислее обычного.

— Дакбери! — заорал я, хватая его за рукава. — Хватит наказывать себя! Ты прощен!

Секунду он смотрел на меня, как будто я сошел с ума, а потом на его лице отразилось сострадание:

— Я вижу, — сказал он тихо. — Они победили. — Он осторожно освободился из моего захвата. — Что они сделали? Убедили тебя, что черное — это белое? Показали тебе дьявола и сказали, что это Бог? Я видел много хороших людей, попавшихся на их удочку. Старый трюк.

— Нет, вы не так поняли!

— Извини, — сказал он, — но тебе нужна большая помощь, чем я могу оказать. — Он вымученно улыбнулся и захлопнул дверь. Стиг Боллок заметил, что Дакбери мог бы работать в банке. Потом мое новое внутреннее спокойствие захватило власть. Дакбери мог подождать. Все, что должно произойти, произойдет. Я решил подняться и поговорить с Твистом о своем будущем.

Дверь была заперта.

Я ждал неделю, но не заметил ни одного его следа. Через несколько дней из его комнаты пошел запах разложения. К концу недели на моей стене появилось влажное пятно. Стиг Боллок снова вылез и сказал мне, какой же я дурак. Может быть, спокойный идиот, но все равно идиот.

Я начал волноваться.

Утром в воскресенье по настоянию миссис О'Грейди мы с Дакбери и клерком взломали дверь. Запахзаставил нас податься назад (клерк добежал до своей комнаты, где изверг на ковер свой завтрак), но мы с Дакбери прижали к носам платки и продолжили

штурмовать комнату.

Твист уехал, задолжав за два месяца и оставив в кухне кучу мусора. Особенно противными были кости цыпленка недельной давности. Мы прибрали там.

Через некоторое время очередной чернокожий доставил мне посылку с прощальным письмом Рашема и огромным количеством пластинок. Вдруг я обнаружил, что это то, что я так долго слышал с чердака.

Мне пришлось снова сменить имя и прическу, потому что Стиг был известным циником, и его бывшие друзья никогда бы не поверили в произошедшую со мной перемену. Зимой я создал новую группу. За год, с помощью регги и моей внешности, я сделал состояние.

Теперь у меня поместье в Ковентри с огромным мраморным камином, над которым я повесил останки моей первой гитары. Я провел там много времени: вечеринки с друзьями, интервью и прочее. Мне есть, за чем следить. Точнее, это делает Дакбери. Из него вышел отличный мажордом, пусть я ему и переплачиваю. Под его руководством садовник сделал невозможное с розами. Конечно, Дакбери и сейчас думает, что я странный, и он все еще пытается вернуть меня на путь истинный.

Скоро наступит время излечить Дакбери. Может быть, следующим летом, когда его любимые розы снова зацветут…

Миссис О'Грейди не смогла отказаться от моего предложения купить ее дом за двойную цену. Она переехала обратно к себе на родину и проводит последние годы жизни со своей семьей, рассказывая им истории про странную лондонскую молодежь. Я решил купить еще несколько домом в Финсбури-парке и целую улицу в Брикстоне. Там я и живу, когда не на гастролях и не обязан быть в поместье. Бездомные, наполняющие мои дома, думают, что я просто кошу под звезду, даже когда я привожу грузовик продуктов и кормлю их всех.

Я оворю им, что ограбил магазин. Это легче объяснить, и это соответствует последним инструкциям Рашема. Я должен ему куда больше, чем смогу выплатить до конца жизни, и должен платить монетами Джа: всегда держать теплую постель и полную тарелку для путника, приходящего во Его имя. Я потратил много времени, убеждаясь, что в мои дома впускают всякого звонящего, потому что все мы приходим во Его имя, знаем мы это или нет.

Может быть, мной движут и не столь чистые побуждения. Я провожу время с бродягами, надеясь, что снова встречу Джимми Твиста или что увижу Рашема в чьих-нибудь глазах.

Понимаете, быть знаменитым музыкантом — значит встречать тысячи детей, хотящих быть похожими на вас.

Большинство звезд считает их обузой. А я бы хотел познакомить их с Рашемом…

Послесловие

Чтобы ответить на вопросы, которые возникают после прочтения это истории: нет, я никогда не жил в трущобах Лондона. Нет, меня никогда не арестовывали за бродяжничество в Амстердаме. Да, но пенициллин это вылечил. Насчет четвертого вопроса: как и президент, я никогда ничего такого не нюхал.

Все реалистичные подробности раскопал мой хороший друг Томас Р. Смит. Он ученик Роберта Блая и талантливый поэт; его многочисленные сборники очень стоит прочесть.

Том однажды встретил Филиппа К. Дика во Франции и подарил ему перевод суфийского поэта Кафира, который процитирован в «Золотом человеке». Он подвергался незаслуженному оскорблению со стороны Харлана Эллисона, что чуть не сорвало Всемирную Конференцию Научной Фантастики. Он наставлял меня в написании «Киберпанка» (1980) и сейчас, помогая мне с «Джимми Твистом», он внес свой четвертый вклад в научную фантастику. Большой успех… для поэта.

Брюс Бетке. 1988, 1998.

Эта история впервые вышла в мае 1988 в журнале «Amazing Stories».